

М.М. Беклемишева*

**БАЛКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. БАШМАКОВА**

M.M. Beklemisheva

**THE BALKAN AREA
OF ALEXANDER BASHMAKOV'S ACTIVITIES**

Аннотация. В статье рассмотрены основные вехи жизненного пути А.А. Башмакова — русского правоведа, видного публициста и славянского деятеля рубежа XIX–XX вв., так или иначе связанные с Балканами. Хронологические рамки исследования — с 1880-х гг. (юные годы А.А. Башмакова) до 1913 г. (когда состоялась отставка с государственной службы). Основное внимание уделено общественно-политической активности А.А. Башмакова и его поездкам на Балканы, т. е. практической стороне его деятельности, связанной со славянским вопросом. Подробно освещаются обстоятельства его пребывания в Македонии и северной Албании, характеризуются труды, опубликованные по результатам этих поездок: путевые заметки, статьи, речи, фельетоны в периодической печати, книги и сборники. Кратко касаясь взглядов публициста по восточному вопросу, автор рассматривает приводимую А.А. Башмаковым аргументацию в пользу необходимости проведения Россией такой политики в отношении славян, которая позволила бы сохранить неоспоримое влияние страны в международных делах. В качестве источников используются мало проработанные архивные и опубликованные материалы. Научная новизна работы обусловлена обращением к масштабной, но недостаточно изученной личности Башмакова, прежде всего к комплексному анализу балканского направления его деятельности, чего до сих пор не предпринималось в историографии. В статье впервые показано всё многообразие «славянской» деятельности А.А. Башмакова, изучена мотивация его поступков, уточнен ряд связанных с его издательской и научной работой вопросов, исправлены имеющиеся в историографии ошибки. На ряде примеров показано, что, совершая путешествия в опасные регионы Османской империи, А.А. Башмаков действовал самостоятельно и вопреки господствовавшим в Министерстве иностранных дел настроениям,

* *Мария Михайловна Беклемишева*, аспирант кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Beklemisheva Maria Mikhailovna, PhD Student, Department of the History of Russia in the 19th — Early 20th Centuries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University
+7-909-926-02-50; mariabekl@mail.ru

рискуя собственной карьерой. В заключение отмечено, что решающую роль в отставке А.А. Башмакова с государственной службы сыграла невозможность для него отказаться от публичных выступлений во время Первой Балканской войны.

Ключевые слова: историческая биография, умеренно-правые, славянофилы, восточный вопрос, македонский вопрос, русские путешественники, «Правительственный Вестник».

Abstract. The article deals with the Balkan-related aspects of the life of A.A. Bashmakov, the Russian legal scholar, publicist and prominent figure of the Pan-Slavic movement in the late 19th and early 20th centuries. It covers his early years since the 1880s until 1913 when he resigned from civil service. The main attention is paid to A.A. Bashmakov's socio-political activity and his Balkan journeys, i. e. to the practical side of his activities related to the Slavic issue. The circumstances of his stay in Macedonia and Northern Albania are described in detail; the author also touches upon his works based on the results of his journeys (travel notes, articles, speeches, periodical feuilletons, books and collected papers) and his stance on the Eastern question. According to A.A. Bashmakov, a Slavic-oriented Russian foreign policy should have helped maintain the country's undeniable impact on international affairs. Scarcely researched archival and published materials are involved in the study. Academic novelty of the work is due to approaching large-scale, but unstudied activities of such a prominent figure as A.A. Bashmakov, first of all, analyzing his Balkan sphere of interests which has not yet been dealt with in historiography. The article shows all the diversity of A.A. Bashmakov's undertakings in this area, studies his motivation, clarifies a number of issues regarding his publishing and academic work and corrects historiographic fallacies. A number of cases show that, while traveling to unstable regions of the Ottoman Empire, A.A. Bashmakov acted independently and contrary to the prevailing opinion of the Ministry of Foreign Affairs, risking his own career. The article argues that his resignation from civil service was determined by his public criticism of Russian diplomacy during the First Balkan War.

Keywords: historical biography, moderate right-wingers, Slavophiles, Eastern question, Macedonian question, Russian travelers, "The Government Bulletin".

* * *

Жизнь и деятельность известного русского публициста и издателя, по образованию правоведа А.А. Башмакова (25 декабря 1858 г., Одесса — 1 августа 1943 г., Париж) не нашли пока должного освещения в отечественной историографии. Между тем наследие этого яркого представителя «позднего славянофильства», выразителя национально-русских идей заслуживает обстоятельного изучения. Среди достижений А.А. Башмакова — не только юридические труды и юридическая практика: это редактирование газет и журналов ("Journal de

St. Petersburg”, “Revue Contemporaine”, «Правительственный Вестник» и др.), учреждение типографии, создание собственной политической партии, более 300 опубликованных произведений в период с 1880 по 1911 г. и др. Во всей многообразной деятельности А.А. Башмакова центральное место занимают труды, связанные с Балканами: это исследование этнической и политической ситуации в этом регионе, публикация работ по широкому спектру славянских вопросов, выступления перед слушателями и в печати, организация выставок печатного дела в Софии и Белграде и многое другое.

Выбранная тема является лишь одной из граней биографии А.А. Башмакова. Комплексно данная проблема не исследовалась в литературе: в ряде статей на довольно узкой источниковой базе рассматриваются отдельные эпизоды, связанные с его «славянской» деятельностью. Исследователи главным образом занимались изучением его «славянской идеи», т. е. теоретического наследия по славянскому вопросу, практически не останавливаясь на издательской и общественно-политической деятельности, путешествиях на Балканы. Так, в ряде работ изучаются: взгляды А.А. Башмакова как идеолога панславизма¹; его воззрения на трансформацию славянской идеи в 1920-е гг.²; имеются отдельные упоминания о его деятельности в качестве члена Петербургского Славянского благотворительного общества³ и участия в «славянских банкетах» в 1912–1913 гг.⁴ Историки Л.В. Горина и О.В. Анисимов исследуют комментарии А.А. Башмакова к «Запискам» Н.П. Игнатъева «Сан-Стефано» и «После Сан-Стефано» — в данных работах его примечания рассматриваются как самостоятельный вид источника⁵. Подробный, хотя не исчерпывающий анализ позиции А.А. Башмакова по «македонскому

¹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 72, 76–85.

² Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.

³ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 398, 450, 460–461, 466.

⁴ Гусев Н.С. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 102–103.

⁵ Горина Л.В. Российский правовед А.А. Башмаков о графе Н.П. Игнатъеве // Българска Академия на науките, Институт за исторически изследвания: Известия на Института за исторически изследвания. Сборник в чест на проф. д. и. н. Стефан Дойнов. Т. XXXI. София, 2014. С. 135–143; Анисимов О.В. Александр Башмаков — комментатор записок графа Н.П. Игнатъева // Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 631–635.

вопросу» и описание его поездки в Македонию летом 1899 г. имеется в болгарской историографии⁶. Отдельные биографические очерки посвятили А.А. Башмакову правовед В. А. Томсинов⁷ и историк М.Б. Смолин⁸. Однако в этих трудах балканскому направлению его деятельности уделяется минимальное внимание; цели и результаты поездок на Балканы не указываются.

В данной статье предпринята попытка на основании неизвестных ранее источников восстановить этот важнейший аспект биографии видного славянского деятеля. Проведенное исследование позволяет дополнить представления о так называемых «поздних славянофилах» — представителях периода угасания этого общественно-политического направления (80-е гг. XIX в. — 1917 г.).

* * *

А.А. Башмаков родился 25 декабря 1858 г. в Одессе в семье швейцарского подданного Александра Генриха Севéра⁹ и в раннем возрасте был взят на воспитание видным государственным деятелем Александром Дмитриевичем Башмаковым (1825–1888), правнуком А.В. Суворова по женской линии, и его женой В.Н. Сушковой, у которых не было собственных детей¹⁰. А.Д. Башмаков добился высокого положения на гражданской службе, в 1873 г. получив чин тайного советника. В 1870–80-х гг. он активно участвовал в деятельности славянских комитетов, потратив на помощь балканским славянам свое огромное состояние. По всей видимости, взгляды и деятельность приемного отца имели решающее значение в формировании мировоззрения А.А. Башмакова.

Получив домашнее образование в России, с 1872 по 1878 г. А.А. Башмаков воспитывался в Женеве, по-видимому, в гимназии, под руководством лингвиста и литературоведа Александра Маурера (1842–1927)¹¹. Согласно оценке самого А.А. Башмакова, его воспитание под руководством Маурера шло по всем канонам русской про-

⁶ Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София, 1993. С. 248–253.

⁷ Томсинов В.А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 166–204.

⁸ Смолин М.Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Российский институт стратегических исследований: Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). 2012. С. 149–158.

⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 19916. Л. 5.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 107. Д. 220. Л. 1.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

граммы классических гимназий, причем Маурер очень хорошо знал русский язык¹². Благодаря широко-научному сочетанию совместного преподавания немецкого, французского, греческого, латинского и древнеславянского языков Александр Александрович получил не только основательную подготовку по современным языкам, но и глубокую, на всю жизнь, любовь к языкознанию, в связи с этнографией¹³. Впоследствии это определило некоторые стороны его деятельности. Так, например, в Одессе, уже будучи мировым судьей, в течение двух семестров он посещал курс санскритского языка профессора Д.Н. Овсяннико-Куликовского; долгие годы своей жизни посвятил изучению вопросов этнографии на славянском юге, неоднократно бывал на Балканах, писал этнографические обзоры об африканских странах¹⁴. «Вся эта сторона моей жизни, моих помыслов и моей деятельности, — писал А.А. Башмаков, — возникла и развилась во мне благодаря мощному воздействию и воспитательному внушению, полученному мною в юности от незабвенного друга моего, профессора Александра Маурера»¹⁵.

В России А.А. Башмаков учился на юридических факультетах Петербургского (с 1878 по 1880 г.) и Новороссийского (с 1880 по 1881 г.) университетов и окончил последний со степенью кандидата прав. Летом 1880 г. А.А. Башмаков обратился к ректору Новороссийского университета в Одессе с просьбой перевести его в студенты этого университета, что и было осуществлено. Как позднее он сообщал в одной из автобиографий, он хотел переехать в Одессу, чтобы сблизиться с южными славянами, там он изучил болгарский язык¹⁶.

После окончания университета А.А. Башмаков был командирован в Восточную Румелию и работал там с 1881 до конца 1882 г.¹⁷ Эта болгарская провинция в то время испытывала острую нехватку правоведов со знанием болгарского языка. Примерно в течение года Башмаков служил в качестве секретаря подготовительной законодательной комиссии в Пловдиве (Филиппополе), состоявшей под председательством русского юриста П.А. Матвеева, а затем, в последние полгода, первым управляющим Областной публичной библиотеки и Музея Восточной Румелии в Пловдиве¹⁸. Изначально А.А. Башмаков

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁵ Там же. Л. 3 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 76.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁸ Там же.

должен был получить должность товарища прокурора окружного суда, однако, по свидетельству П.А. Матвеева, этого не произошло в силу политических причин. Чтобы не допустить А.А. Башмакова на службу по судебному ведомству и замаскировать явное нежелание румелийского правительства пускать русских на прокурорские должности, для него было изобретено новое место — директора Областной библиотеки. Как писал П.А. Матвеев, эта библиотека не имела тогда ни книг, ни даже готового помещения, а на должности по прокурорскому надзору назначались или полуграмотные болгары или иностранцы, не знавшие болгарского языка и произносившие свои обвинительные речи по-французски и по-немецки. «Одним словом, — заключал П.А. Матвеев, — румелийская юстиция являла зрелище печальное»¹⁹.

Работа над созданием Областной библиотеки и музея пошла успешно. При формировании книгохранилища А.А. Башмаков взял за образец Петербургскую Императорскую библиотеку и Публичную библиотеку Женевы, установил контакты с издателями из Одессы, Петербурга, Лейпцига, Лондона, Парижа, Царьграда и другими²⁰. Собранные предметы старины были разделены на три отдела — археологический, нумизматический и рукописный. Последний в дальнейшем стал основой нынешней Национальной библиотеки имени Ивана Вазова в Пловдиве²¹. Открытие библиотеки и музея состоялось 15 сентября 1882 г.

1 января 1883 г. А.А. Башмаков вернулся в Одессу и получил должность помощника присяжного поверенного в Одесском судебном округе²². В 1884 г. он выступил в качестве докладчика на VI Археологическом съезде в Одессе, где представил реферат «О народном эпосе болгар»; он сдал свою рукопись вместе с подлинным «Сборником болгарских песен, балканских и родопских»²³, однако сборник не был опубликован.

В 1885 г. А.А. Башмаков был избран на открывшуюся вакансию мирового судьи 1-го участка города Одессы и оставался на этой долж-

¹⁹ Матвеев П. А. Болгария после Берлинского конгресса: исторический очерк. СПб., 1887. С. 290.

²⁰ Вълчев Г. Чужденците в българската следосвобожденска култура 1879–1900. Ст. Загора, 2001. С. 206.

²¹ Толева П.Н. Забравеното книжно богатство на Археологически музей Пловдив и усвояването му чрез съвременните информационни технологии // Списание за филология, култура и политика «Прометей» и студентски клуб в Пловдив. — URL: <http://spisanieprometeus.blogspot.ru/2011/06/blog-post.html?m=1> (дата обращения: 05.03.19).

²² ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

²³ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 2. Вып. 22–30. СПб, 1891. С. 276.

ности до июня 1888 г., когда был назначен мировым судьей и председателем Съезда мировых судей в г. Дубно (Волынская губерния), а затем переведен в Либаву (Курляндская губерния)²⁴. В этот период в центре его внимания находятся прибалтийское законодательство и аграрный вопрос в Прибалтике. С осени 1894 г. А.А. Башмаков работает в Петербурге: его назначают на должность состоящего за обер-прокурорским столом Правительствующего Сената, с откомандированием в комиссию Н.И. Стояновского по изготовлению проекта Гражданского уложения²⁵.

5 июня 1898 г. А.А. Башмаков переходит на юрисконсультскую службу во II департамент (внутренних сношений) Министерства иностранных дел²⁶. Предпринятая им летом 1899 г. поездка в Македонию, не связанная со служебными обязанностями, являлась всецело личной инициативой, до поры до времени державшейся в секрете. Разведывательной деятельностью мог заниматься любой сотрудник министерства подобного ранга, но по заданию и при поддержке самого министерства. В случае А.А. Башмакова все было иначе. Его поездка не была связана с работой в МИД и даже могла угрожать его карьере.

Путь Башмакова лежал через Будапешт в княжество Болгарию и Македонию — турецкую провинцию с пестрым этническим составом населения, где в связи с ожидаемым распадом Османской империи особую остроту приобрел «македонский вопрос». Россия, однако, стремилась избегать осложнений на Балканах. В конце XIX в. этот регион находился на периферии внимания российских органов стратегического планирования, а русская дипломатия стремилась законсервировать ситуацию там, чтобы сосредоточиться на дальневосточном направлении внешней политики²⁷.

Осуждая курс официального Петербурга на сохранение статус-кво в Македонии и отказ занять чью-либо сторону в македонском вопросе, А.А. Башмаков стремился определить возможности для активизации политики России в отношении балканских стран (главным образом Болгарии и Македонии). По его мнению, Россия по сравнению с Австрией и другими странами была крайне плохо осведомлена в экономических, торговых и церковных делах Балканах, в результате чего упускала возможности и проигрывала своим конкурентам²⁸. Поэтому, «узнав из конфиденциальных источников», что 29 июня в

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. – Л. 5.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1639. Л. 21.

²⁷ *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 25.

²⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14 об.

Македонии вспыхнет восстание, Башмаков отправился на Балканы²⁹. 13 июля 1899 г. в частном письме он сообщил графу Н.П. Игнатьеву, что находится в Софии и намерен совершить основательную поездку вглубь Македонии³⁰. «Цель моя — не простое любопытство, — продолжал он. — Каждый шаг, совершаемый мною теперь, есть безумие с точки зрения карьеры, со стороны человека, состоящего на службе МИД; каждая строка этого письма может погубить мою служебную деятельность»³¹. Взяв отпуск и выехав из Петербурга, А.А. Башмаков не предал огласке своих намерений и считался «якобы “отдыхающим” где-нибудь в Швейцарии или Зальц-Каммергуте»³². «На самом деле я проведу все лето в упорном труде, и быть может, и среди опасностей разного рода, — писал он. — Я вижу дела яснее, нежели многие власть имущие, а потому считаю своим долгом сделать посильное, чтобы содействовать исправлению наших несметных ошибок, можно сказать даже — исправлению самого курса русской политики на Балканском полуострове»³³. Во время ожидаемого восстания А.А. Башмаков предполагал стать посредником между российскими официальными представителями и повстанцами для скорейшего достижения умиротворения. В том же письме он отмечал, что если не будет никаких событий, он надеется оказать пользу тем, что изучит этот край, соберет как можно больше данных и осенью напишет подробный доклад, который Н.П. Игнатьев, быть может, сочтет возможным довести до сведения императора³⁴.

Однако восстания не произошло, в крае было тихо. Посещая различные районы Македонии (Скопье, Велес, Тиквеш, Прилеп, Битола и др.), А.А. Башмаков собирал материал об этническом составе населения — столь важном факторе при решении «македонского вопроса», попутно изучая политическую обстановку. Результаты своей поездки он изложил в ряде очерков о Македонии, а в 1903 г., всего за несколько месяцев до Илинденского восстания, опубликовал книгу «Болгария и Македония» с фотографиями и картой своего маршрута³⁵. Благодаря путешествию А.А. Башмаков пришел к выводу о том, что в подавляющем большинстве население Македонии является болгарским.

Опасения А.А. Башмакова насчет карьеры едва не подтвердились. Позднее он вспоминал: «Когда я исследовал в 1899 г. Македонию и

²⁹ Там же. Л. 17 об.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 12 – 12 об.

³² Там же. Л. 12 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 18 – 18 об.

³⁵ *Вещий Олег [Башмаков А.А.]*. Болгария и Македония. СПб., 1903.

издал затем свою книгу о ней, я подверг свою карьеру потрясению при графе Ламсдорфе; но она временно укрепилась благодаря тому милостивому вниманию, с которым Государь Император изволил отнестись к моему докладу, прочтенному им в ноябре 1899 г.»³⁶. Благоклонное отношение Николая II к докладу не только позволило А.А. Башмакову выжить в среде «представителей дипломатии, ненавидящих в нем поборника славянского идеала в политике России», но и способствовало оказанию финансовой поддержки Болгарскому княжеству «против закабаления его Австрией» — в полном согласии с докладом А.А. Башмакова³⁷.

28 апреля 1900 г. А.А. Башмаков сделал доклад о своей поездке в Македонию на заседании Императорского Русского географического общества, дав подробное описание природы страны и ее населения. Он привел ряд аргументов в пользу болгарской точки зрения на «македонский вопрос», а также продемонстрировал обществу справедливость сан-стефанских границ Болгарии³⁸.

20 октября 1902 г. А.А. Башмаков становится иностранным членом-корреспондентом Болгарской Академии наук. В письме на его имя БАН сообщала, что он избран в связи с текущей научной деятельностью, особым интересом к Болгарии, освещением тесно связанных с ней вопросов по предложению историко-филологического отделения³⁹.

Проработав с 1898 по 1904 г. в Министерстве иностранных дел, выполняя юрисконсультские обязанности, в начале Японской войны А.А. Башмаков покидает это ведомство. По-видимому, причиной стало расхождение во взглядах с министром иностранных дел В.Н. Ламсдорфом на македонскую проблему и Мюрцштегские соглашения России и Австрии, направленные на подавление македонского восстания и одновременное понуждение Турции к реформам. «Когда граф Ламсдорф пожелал узнать мою оценку неудачной мюрцштегской системы реформ, я с полной откровенностью ее раскритиковал, как вредную православному славянству и России, но полезную только для Австрии и Турции»⁴⁰, — вспоминал позднее А.А. Башмаков. Он ушел из ведомства иностранных дел, полагая

³⁶ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову // Расловлев М. Памяти А.А. Башмакова. // Возрождение: Литературно-политические тетради под ред. И.И. Тхоржевского. Тетрадь 4. Июль 1949 г. С. 164.

³⁷ Там же.

³⁸ Македония и Македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // Славянский век. Вена, 1900. № 3. С. 12.

³⁹ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 15.

⁴⁰ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

что, «в нем никогда не пожелают использовать приобретенные и накопленные сведения и силы»⁴¹.

В феврале 1906 г. А.А. Башмаков создает «Русскую партию народного центра» умеренно-правого толка, которая объединяла славянские традиции с внутренним русским национализмом⁴². Печатным органом партии стала газета «Народный голос», где публиковались, в том числе, его «Македонские очерки». Максимальное число подписчиков газеты составило 8,5 тыс. (конец 1905 г.)⁴³.

В мае 1906 г. начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард предложил А.А. Башмакову должность главного редактора «Правительственного Вестника»⁴⁴ — официального издания, единой для всех министерств общеимперской газеты. А.А. Башмаков состоял в этой должности по ведомству Министерства внутренних дел с конца мая 1906 г. по февраль 1913 г. Он также редактировал «Вечернее прибавление к Правительственному Вестнику» вплоть до прекращения этого издания в 1907 г. На страницах этой газеты в нескольких частях под псевдонимом «Вещий Олег» он публикует статью «Задачи России на Ближнем Востоке», где стремится найти определение «восточного вопроса» вне религиозного аспекта и подчеркивает общность внешнеполитических целей всего славянства⁴⁵.

В августе 1908 г. А.А. Башмаков вновь отправился на Балканы. Должность главного редактора не стесняла его в действиях. «Функции, возложенные на меня по “Правительственному Вестнику”, казались до того безразличными, с точки зрения этих вопросов (славянских. — М.Б.), что я многие годы не чувствуя ударов по личному благополучию, мог немало поработать в излюбленной отрасли знаний»⁴⁶, — вспоминал публицист об этом периоде своей жизни. Летом 1908 г. он несколько раз ходатайствовал о предоставлении ему заграничного паспорта и отпуска — то с 5 августа 1908 г. сроком на 2 месяца, то с 5 июля на 1 месяц⁴⁷. Такая перемена сроков, по-видимому, была связана с определенными внешними обстоятельствами, а именно обсуждением проектов Адриатической железной дороги. В итоге,

⁴¹ Там же.

⁴² РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

⁴³ *Самойлова Е.Г.* Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. (На материалах Санкт-Петербурга). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 206.

⁴⁴ *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 296–297.

⁴⁵ Вечернее прибавление к Правительственному Вестнику. 1906. № 39, 46, 54, 60.

⁴⁶ *Башмаков А.А.* Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

⁴⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 18–19.

10 октября А.А. Башмаков сообщал начальнику Главного управления по делам печати А.В. Бельгарду, что отпуском воспользовался с 10 августа⁴⁸, т.е. в отъезде он был в течение двух месяцев.

Одной из целей рискованной поездки через Черногорию в северную Албанию, находившуюся тогда под турецким владычеством, стал поиск лучшего места для прокладки железной дороги, соединяющей Сербию с Адриатикой. Проект «спасительного для всего сербского племени выхода к морю» оживленно обсуждался в русской печати и в кругах, интересующихся славянством, в течение всей зимы 1907 г.; он возник как противовес намерениям министра иностранных дел Австро-Венгрии графа А. фон Эренталя построить *австрийскую* дорогу через Санждак с целью окончательного разъединения Сербии с Черногорией посредством австрийской оккупации Старой Сербии (Косово)⁴⁹. Одним из проектов стал парижский проект июля 1908 г., принятый особым совещанием от представителей заинтересованных держав и от капиталистов при участии инженеров⁵⁰. Вскоре проект Адриатической дороги стал предметом внимания во всей Европе. Возникло несколько его вариантов. «Как водится в таких случаях, международная дипломатия и высшие финансовые круги стали подыскивать такую формулу, которая содержала бы в себе средний выход и как бы равнодействующую всех сил и интересов, безусловно непримиримых», — писал А.А. Башмаков. Однако по мере того, как

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913. С. 1.

⁵⁰ Вопрос о постройке Дунайско-Адриатической железной дороги был поднят в 1908 г. Сербией (он обсуждался, как отмечено А.А. Башмаковым, с 1907 г.). За недостатком капиталов Сербия обратилась к Франции и России с предложением образовать франко-русско-сербский синдикат, и оно было принято. Выбор направления дороги по территории Сербии, зависевший всецело от последней, не мог вызвать возражений, но для проведения линии через турецкую территорию необходимо было согласие турецкого правительства. Переговоры тянулись с перерывами около трех лет. Турция несомненно была заинтересована в проведении дороги, но с условием вывода ее к турецкому порту и направления ее в обход Черногории и в обход области с преобладающим сербским населением, возможно глубже по территории Албании, лишенной сообщений. Черногория хлопотала о направлении дороги через Ново-Базарский санджак и земли вдоль ее юго-восточной границы с выводом к своему порту Антивари. Сербия, несмотря на очевидное для славянства значение последнего решения (связь единоплеменной Сербии и Черногории через Ново-Базарский санджак, населенный сербами; установление общих экономических интересов и, наконец, возможность связи сербского мира, через Болгарию, с Россией), настаивала на обходе Черногории, но с выводом к черногорскому порту Антивари. В 1911 г. борьба этих основных вариантов закончилась победой турецкого проекта. (См.: Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, В.А. Апушкина и Г.К. фон-Шулца. Т. 9. СПб., 1912. С. 240–241).

эта формула выработывалась, отмечал он, все более терялись из вида и затушевывались интересы славянских народов⁵¹.

А.А. Башмаков был убежден, что самостоятельному развитию Черногории способствовала бы перпендикулярная железнодорожная линия от моря, соединяющаяся ее с Сербией. Параллельная морю линия, наоборот, привела бы к быстрому порабощению со стороны Австрии, сначала экономическому, а затем и политическому. Дальнейшее изучение вопроса убедило А.А. Башмакова в том громадном значении, которое получила бы для Черногории трасса, ближе проходящая к ее владениям, но примиряющая все интересы, которые имелись в виду на Парижском совещании. Он заинтересовался возможностью провести прямую линию из Подгорицы (Черногория) в Митровицу (совр. Косовска-Митровица, Косово; в то время город принадлежал Османской империи). Это направление было самым коротким из всех известных проектов: вся дорога от Антивари (совр. Бар, Черногория) на побережье Адриатического моря до Ниша (Сербия) была бы длиной в 308 км, а с веткой на Скутари (совр. Шкодер, Албания) — 353 км⁵². При этом проект А.А. Башмакова имел те же преимущества, что и парижский.

Наметив такой план, А.А. Башмаков решил лично проехать по всей задействованной территории на севере Албании. Черногорское правительство предупреждало его об опасности, таившейся в албанской долине: хотя она подходила для железнодорожного строительства, но считалась одним из самых опасных районов в Албании. Некоторые места особенно «славились», например, Ругово, как гнезда отчаянных разбойников, а местность между Плавом и Гусинье граничила с дремучими лесами, в которых нередко скрывались шайки головорезов. Для обсуждения предстоящей поездки Башмакова пригласили на заседание совета министров в Цетине, на котором он представил свои доводы в пользу «незаменимой пользы наиболее опасного, но зато поучительного пути» по северной Албании. Черногорский князь предложил попросить о помощи могущественного албанского вождя Ассо Феровича, жившего в Плаве: его можно было убедить, чтобы он, гарантировав безопасность А.А. Башмакова клятвенным обязательством перед Черногорией, сопроводил его в Андриевицу с многочисленной «дружиной» воинов, затем передал албанцам для дальнейшего пути⁵³. Согласно утверждению Башмакова,

⁵¹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. С. 1.

⁵² Там же. С. 9.

⁵³ Там же. С. 10–11.

все знавшие Албанию считали, что сделки подобного рода были самым надежным способом осуществления таких крайне трудных предприятий. Этот вариант, однако, не был осуществлен. А.А. Башмаков встретил Феровича в Плаве, но ему не удалось получить его поддержки⁵⁴.

Князь Никола I действительно колебался, беспокоясь о безопасности А.А. Башмакова, но признавал ту важность, которую этот план представлял с государственной точки зрения, и пообещал сделать все возможное для поездки. «...Благодаря личному участию князя в этом деле, понемногу устранились все колебания и сомнения, — писал Башмаков. — Поездка решена — и притом в том виде, который в полной степени соответствует моим предначертаниям и планам»⁵⁵. Князь предоставил автомобиль, на котором можно было добраться из Цетине до Подгорицы за два часа, и в приграничном городке Тузи при содействии оттоманского консула в Подгорице было получено разрешение турецких властей на пересечение границы. Для путешествия по Албании князь предоставил верховую лошадь из своих конюшен, палатку, походную постель, конюха, албанского переводчика — словом, Башмаков был «обставлен так, как можно только желать»⁵⁶.

10 сентября А.А. Башмаков прибыл в Тузи, и караван из шести человек, включавший албанца-христианина — переводчика, «кираджия» — сопровождающего груз, двух турецких жандармов и вооруженного туземца, выдвинулся на территорию Османской Албании⁵⁷. Узкой тропинкой по крутому правому берегу р. Цевны он отправился через Гусинье и Плав в Печ, откуда далее железная дорога должна была идти на Митровицу и Ниш. Из Печа А.А. Башмаков отправился на юг через Дечаны, Дьяковицу и Призрен, а затем на запад к Адриатике, по пути корректируя свой проект железной дороги и проверяя предложения парижского проекта.

Определение лучшего варианта строительства железной дороги не было единственной целью экспедиции. А.А. Башмаков стремился изучить положение сербов в северной нагорной Албании — то был «узел, в котором совершались, при участии Австрии, непрерывные преступления, ради разрушения оснований исторической роли России»⁵⁸. Общаясь с местными жителями, А.А. Башмаков оценивал религиозную и политическую ситуацию в регионе, отмечая

⁵⁴ Там же. С. 37–38.

⁵⁵ Там же. С. 11

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 16, 18.

⁵⁸ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову. С. 164.

значительное усиление и распространение католичества; собирал сведения об албанских племенах. Не будь содействия черногорского правительства, а главное, самого предлога строительства железной дороги, совершить подобное путешествие по северной Албании было бы невозможно.

Местное албанское население далеко не всегда было дружелюбно настроено к гостю, не говоря уже о постоянной опасности, которая не позволяла даже вволю полюбоваться красотой дикой природы. О своем пребывании среди албанцев А.А. Башмаков писал: «Взоры мрачно молчащей толпы сосредоточены на мне. Я чувствую себя в положении обвиняемого, хотя не совершил ничего дурного; мое преступление заключается в том, что я дерзнул сюда явиться, свободно и смело; я раздражаю народное чувство одним лишь моим присутствием, моею волею и намерением исследовать и знать». Албанцы смутно догадывались, что караван ехал из Цетине и имел какое-то отношение к черногорскому правительству. «Воображение у них разыгралось, и албанцы шепотом передают друг другу, что я — сын князя Николая, путешествующий в строгом инкогнито», — писал А.А. Башмаков⁵⁹.

Выехав из Печа, он посетил монастырь Высокие Дечаны, где в качестве дара Александро-Невской лавры по благословлению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония вручил настоятелю о. Кириллу роскошное напрестольное евангелие в позолоте с рельефными священными изображениями, а также икону Св. Александра Невского⁶⁰.

Дальнейший путь в Дьяковицу уже не был столь опасным, однако несколько местных жителей принесли в Дечаны известие о том, что Башмаков подвергся нападению и был убит, и о. Кирилл даже служил по нему панихиду.

Вместе с французским посланником в Белграде Леоном Деско, с которым он познакомился в Дечанской лавре, А.А. Башмаков был торжественно принят в Призрене и провел там несколько дней под кровом российского консула С.В. Разумовского.

Из Призрена в сопровождении отряда турецких солдат и каваса (почетного стража) русского консульства в Призрене Сеид-Уки, а затем и с проводниками из местных жителей А.А. Башмаков отправился по территории Албании к Адриатике на запад, с отрезком пути вдоль побережья Адриатического моря от Лежа до Пуладжа. В Скутари его встретил российский консул П.А. Лобачев, с которым он был знаком еще по Министерству иностранных дел. Переплыв озеро Скутари

⁵⁹ Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. С. 77, 78.

⁶⁰ Там же. С. 80.

на пароходе и преодолев еще несколько верст верхом, Башмаков вернулся в Цетине.

В заключение своей книги А.А. Башмаков писал, что путешествие дало возможность не только определить наиболее подходящий вариант прокладки железной дороги от Сербии к Адриатике, но и раскрыть политический смысл положения сербов в верхней Албании, уяснив один из наименее известных аспектов восточного вопроса.

Обстоятельства путешествия, быт и нравы албанцев и турок того времени подробно описаны в очерках А.А. Башмакова в «Славянских известиях» 1908–1909 гг., впоследствии собранных в книге «Через Черногорию в страну диких гегов» (СПб, 1913). Прямо с дороги автор посылал свои «Письма из Славянских земель» в редакцию газеты «Россия». Руководитель этой газеты, член Совета МВД И.Я. Гурлянд 1 октября 1908 г. сообщал П.А. Столыпину, что редактор «России» С.Н. Сыромятников вошел в соглашение с А.А. Башмаковым по поводу публикации этих писем⁶¹. Первые два письма были напечатаны И.Я. Гурляндом, и А.А. Башмаков прислал еще шесть. «Все они и каждое в отдельности проникнуты восторгом славянина, видящего воочию славянские земли и славянские народы», — писал И.Я. Гурлянд в той же справке Столыпину. Однако Гирс⁶² от имени Министерства иностранных дел выразил неудовольствие по поводу напечатания первых двух писем, которые не были посланы на его цензуру, а о печатании остальных сказал, что в частном издании он бы приветствовал их появление, но в официозе славянская слеза была тогда неуместна, и предложил оставить только фактическую сторону повествования. «Затрудняясь отыскать последнюю в письмах, рассчитанных именно на чувство, а кроме того не желая брать на себя риск обидеть господина Башмакова», И.Я. Гурлянд обо всем написал С.Н. Сыромятникову, в ответ получив указание передать вопрос на рассмотрение П.А. Столыпина⁶³. В резолюции на полях Столыпин отметил, что письма А.А. Башмакова — «самого невинного содержания», и он не видит препятствий к напечатанию, распорядившись послать их на просмотр товарищу министра иностранных дел, специалисту по балканскому вопросу Н.В. Чарыкову. Всего в газете было напечатано 10 писем.

Во время Боснийского кризиса (1908), по возвращении из Черногории А.А. Башмаков «громко выступал в среде Славянского общества, в целом ряде речей перед тысячами слушателей и в печати»,

⁶¹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

⁶² По всей видимости, И.Я. Гурлянд имел в виду русского дипломата А.А. Гирса (1850–1923), возглавлявшего отдел печати МИД.

⁶³ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

однако это не возымело для его карьеры никаких последствий⁶⁴. В 1909 г. типографией МВД был опубликован сборник «Балканские речи» с текстами пяти выступлений А.А. Башмакова на собраниях Петербургского славянского благотворительного общества по вопросам балканского направления внешней политики России, боснийскому аннексионному кризису, дипломатической школе Н.П. Игнатьева⁶⁵.

Состоя в должности главного редактора «Правительственного Вестника», в 1910 и 1911 гг. А.А. Башмаков был привлечен Главным управлением по делам печати к проведению русских выставок печатного дела в столицах Болгарии и Сербии. И хотя это поручение не было непосредственно связано с занимаемой им должностью, его большой публицистический опыт, знание славянских языков и особенностей балканских стран, неравнодушие к славянским делам были незаменимы для успеха этого мероприятия.

В июне 1910 г. А.А. Башмаков был назначен А.В. Бельгардом главным уполномоченным по устройству «Русской выставки печатного дела» в Софии и с этого момента занимался всеми организационными вопросами, связанными с выставкой. В то время печатное дело России постепенно выходило на международный уровень, однако в Софию русские книги поступали кружным путем, через Лейпциг, непосредственных связей с русскими издателями не было или они были случайны и неустойчивы.

Выставку в Софии предполагалось открыть в 20-х числах июня, к началу собиравшегося в этом городе всеславянского съезда⁶⁶. Для организации выставки в Болгарию командировались А.А. Башмаков, П.А. Кулаковский, В.Н. Кораблев, К.Ю. Геруц, З.Ш. Шамиль, И.В. Цветков, Д.Н. Вергун, курьер А.А. Кулешов⁶⁷.

Все лица, командированные от Главного управления для участия в устройстве выставки, находились в непосредственном подчинении А.А. Башмакова. Ему была предоставлена полная свобода в выборе состава Бюро выставки, руководстве совещаниями представителей издательских фирм, принятии всех мер к отправке выставочного материала в Софию и, наконец, «направлении всего дела к тому, чтобы придать ему характер серьезной попытки к открытию значительного рынка на Балканском полуострове для русской книжной торговли»⁶⁸.

Как подчеркивал Башмаков в отчете о проведении выставки в Софии на имя А.В. Бельгарда, в этом деле важна была прежде всего ничем

⁶⁴ Башмаков А.А. Письмо министру внутренних дел Н.А. Маклакову С. 165.

⁶⁵ Башмаков А.А. Балканские речи. СПб., 1909.

⁶⁶ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.

⁶⁷ Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Там же. Л. 5.

не заменимая государственная инициатива. Вместе с тем в то время, когда «считалось модным отвращение к “чиновной”, хотя бы самой полезной, деятельности и чисто правительственным начинаниям»⁶⁹, писал А.А. Башмаков, следовало присоединить к ним частную инициативу заинтересованных людей. Зная, какую щепетильность нередко обнаруживали южные славяне перед русским вмешательством, даже самым благожелательным, он открыл широкий простор для болгарской торговой инициативы. «Обращение с этими сложными течениями уже на месте было для меня облегчено, конечно, моим знанием Болгарии и болгарского языка»⁷⁰, — писал он в отчете.

Как вспоминал позднее А.В. Бельгард, несмотря на то что устройство выставки в Софии обсуждалось с видными болгарскими общественными деятелями и было подготовлено дипломатической перепиской, первые впечатления от приема, который организаторы выставки встретили в Софии, привели А.А. Башмакова в немалое смущение: «Хотя его личные друзья и местные представители власти старались его успокоить, но он на каждом шагу видел крайне несочувственное отношение к русской выставке и вообще ко всему русскому со стороны болгарской интеллигенции, студенчества и сильной Болгарской социал-демократической партии. Во всех этих кругах чувствовалось не только пассивное сопротивление всем его начинаниям, но даже явное проявление бойкота выставки, на территории которой разбрасывались враждебные выставке листки, причем такого же характера возвания даже расклеивались на окружавшей выставочный район деревянной ограде»⁷¹. Все это, однако, продолжилось лишь до дня торжественного открытия выставки 25 июня. Было разослано 300 приглашений на болгарском языке почетным гостям и уведомлены все члены дипломатического корпуса, на что отозвались представители Франции и Сербии. Софийский митрополит отслужил молебен. Присутствовал представитель Министерства иностранных дел России Г.Г. фон Бах⁷². «С первого же дня выставки успех был громадный, — писал А.А. Башмаков в отчете А.В. Бельгарду. — Болгарская толпа хлынула по всем залам с такою стремительностью, что мы должны были сразу отказаться от всякого ее зарегистрирования»⁷³. Такой же отзыв дал в своих воспоминаниях А.В. Бельгард: «Народные массы толпами двинулись на открытие выставки с самыми восторженными приветственными кликами по отношению к России, к русскому Царю

⁶⁹ Там же. Л. 77 об.

⁷⁰ Там же. Л. 78 об.

⁷¹ Бельгард А.В. Воспоминания. С. 324–325.

⁷² РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.

⁷³ Там же.

и даже к устроителям выставки <...>. Ни о какой социал-демократии и помину не было»⁷⁴.

По приблизительной оценке организаторов, в первый день посетителей было около 5 тыс. человек. К закрытию выставки 12 июля выставку посетило около 30 тыс. человек⁷⁵.

Используя предоставленную ему широкую возможность работать без всяких формальных стеснений, А.А. Башмаков старался воодушевить своих подчиненных постоянным напоминанием о той высшей цели, ради которой они трудились, — осуществлении давно осознанной, но десятками лет не устанавливавшейся культурной связи между Россией и славянами в форме русской книжной торговли, памятуя, что проникновение в славянский мир русского печатного слова, носителя русской литературы, науки, искусства являлось «самым действительным средством усиления, за ее государственными пределами, неоспоримого значения России»⁷⁶.

После закрытия выставки под руководством А.А. Башмакова в Софии образовалось «совещание» из представителей русской и болгарской администрации, профессуры, торговли и печати по выяснению наилучших мер для организации русской книжной торговли на Балканах. На заседаниях «совещания» выяснилось, что в Болгарии существовал значительный спрос на русскую книгу, а открытие книжного торгового склада в Софии обеспечило бы сбыт русских книг не только в Болгарии, но и в соседних славянских землях⁷⁷.

В Петербурге А.А. Башмаков собрал представителей русских книжных фирм и сообщил им о положении дел, подчеркнув, что было бы крайне прискорбно прервать начатую русскую книжную торговлю в Софии до основания постоянного торгового предприятия⁷⁸. Он просил предпринимателей выделить средства на открытие в Софии временного магазина русских книг, однако встретил с их стороны нежелание сделать даже самые скромные траты. Тогда с инициативой выступили две фирмы — И.Д. Сытина и А.С. Суворина, согласившиеся взять на себя все необходимые расходы по устройству в Софии русского книжного магазина⁷⁹. Магазин с читальной открылся в Софии под названием «Руска книжарница И.Д. Сытина и А.С. Суворина» в октябре 1910 г.⁸⁰

⁷⁴ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 325.

⁷⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.

⁷⁶ Там же. Л. 77 об.

⁷⁷ Там же. Л. 85.

⁷⁸ Там же. Л. 85 об.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 46 об.

В мае 1911 г. А. А. Башмаков просил предоставить журнал «сообщения» по вопросу о развитии книжной торговли между Россией и Болгарией министру торговли и промышленности и исходатайствовать у него аудиенцию по вопросу об установлении прямых торговых сношений между Россией и Болгарией⁸¹.

«Далеко не таким бурным, но все же большим успехом», по свидетельству А.В. Бельгарда, «Русская выставка печатного дела» пользовалась затем в Белграде. Она работала с 1 августа по 1 сентября 1911 г. Организаторы удостоились приема у сербского короля Петра и королевича Александра⁸². За устройство Русского отдела этой выставки А.А. Башмаков был награжден королем Сербии орденом св. Саввы II степени⁸³.

С началом Первой Балканской войны А.А. Башмаков не мог оставаться в стороне от широкой дискуссии, развернувшейся в русском обществе, о внешней политике России и балканских событиях. В продолжение войны он выступает в Славянском обществе, петербургском «Клубе общественных деятелей», является постоянным докладчиком «Общества славянской взаимности»⁸⁴, а также становится одним из организаторов так называемых славянских обедов, на которых звучит резкая критика в адрес В.Н. Коковцова и С.Д. Сазонова за «антиславянский» характер их политики.

Выступления А.А. Башмакова как организатора этих банкетов и их активного участника, занимавшего к тому же высокую должность в МВД, вызывали серьезное недовольство со стороны Министерства иностранных дел. 18 января 1913 г. в «Клубе общественных деятелей» он произнес речь «Наш долг на Лондонской конференции», в которой выступил против подчинения России политической программе Австро-Венгрии⁸⁵. По собственной позднейшей оценке А.А. Башмакова, эта речь стала причиной его отставки⁸⁶. Следующий очередной славянский обед был запрещен градоначальником по просьбе министра иностранных дел С.Д. Сазонова⁸⁷, а А.А. Башмаков был вызван

⁸¹ Там же. Л. 99.

⁸² Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 120.

⁸³ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 37. Л. 44–48.

⁸⁴ Шевицова Г.И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 46.

⁸⁵ Башмаков А.А. Наш долг на Лондонской конференции (Речь, сказанная в Клубе общественных деятелей 18-го января 1913 г.) // Славянские известия. 24 февраля 1913 г. № 15. С. 232–237.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

⁸⁷ Свет. 22 января 1913 г. № 21.

Н.А. Маклаковым для объяснений⁸⁸. Редактору «Правительственного Вестника» было предложено или продолжить выступления по славянским вопросам, но тогда оставить свою должность, или остаться на службе, но не выступать публично. Признавая невозможным в сложившихся условиях ежедневно совершать «подвиг молчальника» и отказаться от того, что он считал долгом своей совести, А.А. Башмаков избрал первое условие, оставив службу в феврале 1913 г. 4 марта 1913 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был официально уволен согласно прошению⁸⁹. А.А. Башмаков принимал участие в славянских обедах вплоть до 1917 г.

Выйдя в отставку после 28-летней государственной службы, А.А. Башмаков отправился на театр военных действий Первой Балканской войны в качестве военного корреспондента «Нового времени» — сначала в Сербию, а затем на черногорские горные позиции при боях в Албании, во время осады Скутари⁹⁰. Эта сторона его деятельности, равно как период Первой мировой войны в его биографии, нуждается в дополнительном изучении.

* * *

Вся дореволюционная деятельность А.А. Башмакова, за исключением, пожалуй, прибалтийского периода его жизни (1889–1894), неразрывно связана со «славянским вопросом». А.А. Башмаков был убежден, что защита славянских интересов на Балканах в высшей степени отвечает интересам России как государства. Именно поэтому он по собственной инициативе стремился сделать всё, что мог, как публицист, государственный и общественный деятель, для защиты этих интересов. В македонской поездке 1899 г. это проявилось в попытке, весьма успешной и заслуживающей внимания исследователей, дать возможно более объективную оценку «македонскому вопросу» и выявить необходимую позицию России по этому вопросу; в албанской поездке 1908 г. — в разработке наиболее соответствующего славянским интересам проекта железной дороги. В своих произведениях, посвященных балканским путешествиям, А.А. Башмаков ярко представил читателям тяжелое положение славянского населения Османской империи. Осуществляя свои внешнеполитические инициативы, А.А. Башмаков действовал в соответствии со своими личными убеждениями, подтверждение которым он стремился найти в соприкосновении с балканскими реалиями.

⁸⁸ Свет. 2 февраля 1913 г. № 32.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-5988. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

⁹⁰ Там же. Л. 6.

Существует мнение, что А.А. Башмаков, «выполняя ряд ответственных поручений министерства иностранных дел на Ближнем Востоке и в Африке, с увлечением изучал быт местных народностей»⁹¹. Однако данное суждение пока не подтверждается документальными источниками. Сведения о балканских путешествиях А.А. Башмакова не были засекреченными — наоборот, их результаты спустя короткое время открыто публиковались и распространялись.

В определенные моменты идеи А.А. Башмакова находили одобрение и положительный отклик в официальных кругах. Так было в 1899 г., когда он представил Николаю II свой доклад о Македонии. Успешно прошли блестяще им организованные выставки русского печатного дела в Софии и Белграде. Однако бескомпромиссность А.А. Башмакова, сторонника «славянского идеала во внешней политике России», усложняла его отношения с властью. Апогеем этого конфликта стала отставка А.А. Башмакова. Уйдя из Министерства иностранных дел в 1904 г., А. А. Башмаков снова столкнулся с его представителями спустя 9 лет, уже при иных обстоятельствах. Состоя на государственной службе в МВД, А.А. Башмаков публично подвергал резкой критике позицию дипломатического ведомства по балканскому кризису, что неизбежно привело к завершению его карьеры как чиновника.

Список литературы

Аксенова Е.П. Славянофил А. А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.

Анисимов О.В. Александр Башмаков — комментатор записок графа Н.П. Игнатъева // Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М.: Индрик, 2015. С. 631–635.

Вълчев Г. Чужденците в българската следосвобожденска култура 1879–1900. Стара Загора: Кота АД, 2001. 424 с.

Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София: Македонски научен институт, 1993. С. 237–274.

Горина Л.В. Российский правовед А.А. Башмаков о графе Н.П. Игнатъеве // Известия на Института за исторически изследвания. Сборник в чест на проф. д. и. н. Стефан Дойнов. Т. XXXI. София: Академично Издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. С. 135–143.

Гусев Н.С. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 420 с.

⁹¹ Парижский Вестник: Издание Управления делами Русской эмиграции во Франции. № 63. 28 августа 1943 г.

Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 632 с.

Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.

Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 570 с.

Самойлова Е.Г. Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. (На материалах Санкт-Петербурга). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбУ, 2004. 245 с.

Смолин М.Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии. № 1 (10). 2012. С. 149–158.

Толева П.Н. Забравеното книжно богатство на Археологически музей Пловдив и усвояването му чрез съвременните информационни технологии // Списание за филология, култура и политика «Прометей» и студентски клуб в Пловдив. — URL: <http://spisanieprometeus.blogspot.ru/2011/06/blog-post.html?m=>

Томсинов В.А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. Т. 2. М.: Зерцало, 2007. С. 166–204.

Шевцова Г.И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период балканских войн (1912–1913) // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44–47.

Поступила в редакцию
15 мая 2019 г.